Вернувшись домой, Ли Сычэнь впервые за месяц зашел в Фейсбук. Чуда не произошло: никаких ошеломительных сюрпризов на странице не обнаружилось, лишь тот самый преданный фанат, обещавший поддерживать его во всём, оставил под последней записью короткий комментарий с парой теплых слов.

Жизнь — это не театральная постановка, где на каждом углу поджидают невероятные события. Ли Сычэнь понимал это лучше многих. Прошлое научило его смотреть на вещи философски и не строить пустых иллюзий.

— Карлос, мне кажется, тебе пора обзавестись агентом. — Мишель, прислонившись к дверному косяку, с улыбкой помахала зажатым в руке телефоном.

— А? — Сычэнь растерянно моргнул, не сразу уловив суть её слов. Лишь спустя мгновение, глядя на телефон в её руке, он резко вскочил со стула. — Мама, ты хочешь сказать… мне предложили новую роль?

С того самого момента, как он решил стать актером, Сычэнь грезил о признании. И хотя поначалу им двигало лишь желание заработать денег на подарки для Мишель, последовавшие за этим полгода съемок в массовке охладили его пыл, но не погасили стремление. Из интернета он знал: первым шагом к настоящему успеху для любого артиста становится поиск профессионального представителя.

— Именно так, малыш, — Мишель подошла ближе и, обняв сына за шею, нежно поцеловала его в лоб. — Тебя снова зовут на пробы. И всё благодаря тому, что ты получил роль в проекте Габриэля.

— Как здорово! — Сычэнь порывисто обнял её в ответ, звонко чмокнул в щеку и тут же отстранился. Он смотрел с лихорадочным восторгом, смешанным с растущей тревогой. — Но, мама… у меня ведь нет агента. Где мне его взять?

— Обычно начинающие актеры доверяют эту роль своим близким. И ради тебя, Карлос… — Мишель на секунду замолчала, серьезно вглядываясь в его лицо, — я готова уволиться и посвятить всё свое время твоей карьере. Стать твоим личным менеджером.

— Мама! — Сычэнь крепко прижался к ней, чувствуя, как сердце пускается вскачь. — Но если у меня ничего не выйдет? Ты ведь бросишь работу…

Он не на шутку испугался. Мишель была единственным кормильцем в их маленькой семье, других родственников у них не было. Если она уйдет с работы, весь груз ответственности за их будущее ляжет на его плечи.

Мишель, прекрасно понимая страхи сына, взяла его за руки и усадила обратно на стул. Положив ладонь ему на лоб, она прикрыла глаза и тихо спросила:

— Карлос, неужели ты не веришь в свои силы?

— Я… — Сычэнь замялся, опустив голову. Слова застряли в горле.

— Послушай, я знаю, какой ты храбрый мальчик. Твоя смелость не в словах, она в сердце. У тебя железная воля, но тебе всего тринадцать. Даже самым сильным иногда нужно плечо, на которое можно опереться. Я не хочу, чтобы в моменты слабости ты оставался один. А о деньгах не беспокойся, — её голос звучал мягко, почти невесомо, проникая в самую душу. — Мама что-нибудь придумает, хорошо?

— Мама, — Сычэнь перехватил её руки, его лицо стало жестким и решительным. — Я справлюсь. Обещаю, я поднимусь на самую вершину. С этого дня я сам буду заботиться о тебе.

В это мгновение страх переплавился в чистую, концентрированную волю. Именно сейчас Ли Сычэнь окончательно выбрал свою судьбу — путь, который, возможно, будет усеян терниями, но зато станет ярким и неповторимым.

— Хорошо, — Мишель лишь улыбнулась в ответ. Она и раньше знала, что её сын обладает несгибаемым характером, а теперь получила лишь очередное тому подтверждение.

Новый сценарий, который предложили Сычэню, лег в основу фильма «Религия и человечность». Обычно актерам вроде него — новичкам без имени — даже не позволяли приходить на пробы в подобные серьезные западные картины. Восточные лица в таких сюжетах встречались крайне редко. Однако, как пояснила Мишель, режиссеры Бенсон и Лоувэнь дали ему настолько блестящие рекомендации, что постановщик решил рискнуть и пригласить «этого китайского мальчика».

Сычэнь почувствовал глубокую признательность к этим людям. Несмотря на то, что они работали вместе совсем недолго, они раз за разом расчищали ему дорогу. Особенно режиссер Бенсон — если бы не его поддержка, он вряд ли бы попал даже в сериал по сценарию Габриэля.

Впрочем, сам Сычэнь почему-то забывал, что роль он получил не только из-за протекции или происхождения, но и благодаря своему таланту. Без истинного мастерства его бы не подпустили и на пушечный выстрел к проекту, где задействовано столько звезд.

Хотя его и пригласили, режиссер всё ещё сомневался в способностях мальчика. Пробы назначили через пять дней. Ему не прислали ни сценария, ни описания роли. Единственным ориентиром служило название: «Религия и человечность».

— Мама, а что такое религия? — вдруг спросил Сычэнь. Он слышал о буддизме, христианстве и католичестве, но Мишель не была верующей, и он, никогда не сталкивавшийся с этим напрямую, не понимал самой сути этого явления.

Мишель на мгновение опешила. В этом мире даже дети из нерелигиозных семей так или иначе соприкасались с верой — ведь это то, чем живут люди вокруг, о чем молятся в церквях. Объяснить это словами было непросто.

— Религия, Карлос… это форма веры.

— А вера? Что такое вера? — Сычэнь подался вперед, снедаемый любопытством. Это было похоже на дверь в новый, неизведанный мир, ключ к которому ему был необходим, чтобы понять и прожить своего будущего героя.

Мишель придвинула стул, села напротив сына и заглянула ему в глаза.

— Карлос, ты знаешь, что такое отчаяние?

— Отчаяние? — Сычэнь задумался. — Для меня это одиночество и беспомощность. Но… кажется, я не совсем понимаю вкус этого слова.

Его сердце не было мертво, но долгие восемь лет, проведенные в той маленькой деревянной хижине, притупили его чувства. Отчаяние стало для него привычной средой обитания, превратившись в нечто обыденное, лишенное остроты. Он мог изобразить ужас или страх, но подлинное отчаяние… казалось, он давно вычеркнул это понятие из своего личного словаря, заменив его глухим оцепенением.

Мишель с болью посмотрела на него, коснувшись кончиками пальцев его лица.

— Малыш, отчаяние — это когда не на что опереться. Когда кажется, что все тебя бросили. Это чувство, похожее на близость смерти. Уверена, тебе это знакомо.

Она вспомнила их первую встречу: крошечное, изможденное тельце, свернувшееся калачиком. Ребенок, которого бросил весь мир, но в глазах которого вместо скорби застыло бесконечное, бесцветное равнодушие, в котором лишь изредка вспыхивали искорки жажды жизни. Именно эта жажда и заставила её забрать его к себе.

— Близость смерти… когда все уходят… — Ли Сычэнь прошел через это дважды. Но когда он думал, что умирает, он чувствовал не отчаяние, а странное облегчение. А вот уход близких… Он вспомнил тётушку Чжан, Джека… и Мишель. Первые двое были уже бесконечно далеко, и он даже не знал, нарочно ли его бросил Ли Гоудань. Сердце предательски сжалось, в груди стало тесно от внезапной боли. — Мама, я не хочу, чтобы ты уходила.

Сычэнь понял: если Мишель оставит его, ему станет невыносимо плохо. Наверное, это и есть то самое отчаяние.

Мишель видела, как он побледнел, и ей самой стало не по себе, но она не собиралась быть

матерью, которая лишь потакает капризам.

— Вера — это та соломинка, та крошечная надежда, за которую ты хватаешься в минуту полной безнадеги. Ты просишь свою веру избавить тебя от мук. Для многих людей это единственный свет в конце туннеля.

— Молить о свете? Но, мама, неужели вера действительно помогает?

Ли Сычэня заперли в маленькой деревянной хижине, когда ему было четыре. Он ничего не знал о мире тогда и мало что узнал за последующие восемь лет. В его реальности существовало только ожидание: ожидание темноты, ожидание еды, ожидание нового рассвета. Понятие «веры» в эту схему не укладывалось.

— Глупенький, — Мишель ласково потрепала его по волосам. — Если бы она всегда помогала, в мире не было бы столько страданий.

— Значит… она бесполезна? — Сычэнь хотел четкого ответа. «Да» или «нет», «правда» или «ложь». Мир в его представлении должен был иметь четкие границы.

— Не совсем так, — Мишель покачала головой. — Для истинно верующих их вера — великая сила. Она помогает им переносить тяготы. Даже если они не обретут счастья в этой жизни, они верят, что попадут в рай.

— Ох… так стоит в это верить или нет? — Сычэнь совсем запутался.

— Давай поступим так. До проб еще пять дней. На днях я отведу тебя в церковь. Посмотришь сам, прочувствуешь. Карлос, вера — это личный выбор каждого, она идет из самой глубины сердца. И если ты решишь присоединиться к ним, я не стану тебе мешать.

В этих вопросах Мишель была на редкость широких взглядов, несмотря на то, что сама не верила ни в бога, ни в черта.

Поняв, что от матери однозначного ответа не добиться, Сычэнь кивнул.

— Я понял. Тогда я поищу информацию в интернете. Я должен подготовиться, ведь теперь на мне лежат все расходы нашей семьи.

Он прижал руку к груди с предельно серьезным видом.

— Хорошо, мой дорогой сын. Мой доблестный рыцарь. Отныне я в твоих руках, — Мишель рассмеялась, поймала его ладонь и запечатлела на ней легкий поцелуй.

http://bllate.org/book/17536/1706014